

«БУНИНСКИЕ ОЗЁРКИ» - ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

И вот мы в ОЗЕРКАХ. Видим ДОМ с четырехскатной крышей, с двумя входами, над которыми козырьки, поддерживаемые деревянными колоннами, за домом озеро-пруд с ивами и с разлетающимися утками. Мы осматриваемся и едем по бунинским местам, с такой тоской, болью, печалью и восхищением описываемым БУНИНЫМ и в книге «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА», и в рассказах, и в стихах.

Бунинские места, большая округа с деревнями, хуторами, которые он упоминает в своих произведениях – это КАМЕНКА, ВЫСЕЛКИ, ЖИЛОЕ, ПОЛЬСКОЕ, ОСИНОВЫЕ ДВОРИКИ, ГРУНИН ВОРГОЛ...

И как же волнует упоминание таких мест, когда они связаны с чем-то для тебя близким, захватившим твое внимание, твои мысли, представлявшимися тебе во время чтения произведений Бунина. Ты представляешь свою встречу с ними, и вот эта встреча происходит. И как же это замечательно, глядя на совершенно исчезающую и уже разрушенную старую жизнь, представить себе ту, где был «скотный двор, конюшни, каретный сарай, рига на гумне... огород, который распластался вокруг риги, на гумне, за людской избой, к задней стене которой вплотную подступали хлеба и травы!» - так Бунин описывал их КАМЕНКУ.

А мы, постояв на самом Высоком Месте, которое называется «КРУГЛОЕ», где видны выступы известняка среди необозримых полей, в это осеннее время уже убранных и распаханых, спускаемся в КАМЕНКУ, где было «помесье наше, оно называлось хутором – хутор Каменка, - на хуторе хозяйство было небольшим, дворня малочисленная. Но все же люди были, какая-то жизнь все же шла... Были собаки, лошади, овцы, коровы, работники, были кучер, староста, стряпухи, скотницы, няньки, мать и отец, гимназисты братья, сестра Оля, еще качающаяся в люльке...»

И вот, зная по бунинскому описанию поместья, смотрим, что у нас перед глазами в этой самой КАМЕНКЕ. Три доживающих свой век дома, в одном из которых живет одиноко девяносто летний Иван Андреевич Житков. Так он представился нам. Он был седоволос, чисто выбрит, невысокого роста, в темной высоко застегнутой куртке, в крепких сапогах. Он опирался на суковатую палку, разговаривал добродушно, предлагал набрать яблок. Иван Андреевич, путаясь, вспоминал, что его прадед Колесов рассказывал, что, да, приезжал сюда Бунин, выходил из коляски с двумя девахами, такой по-городскому одетый...

А мы видим около дома груды каменных блоков, ошестившиеся металлические ребра ржавеющих машин. И яблони, еще увешанные созревшими плодами, они усеяли землю вокруг, и попадают нам под ноги, растрескиваясь, выбрасывая сочные брызги. И показали нам высокое место, где стоял Дом СУХОДОЛ. – «дом с дубовыми бревенчатыми стенами под тяжелой и черной от времени соломенной крышей – и обед в зале этого дома: все сидят за столом, все едят, бросая кости на пол, охотничьим собакам...». «А мужики суходольские ничего не рассказывали. У них даже и преданий не существовало... Плодами трудов и забот их был лишь хлеб, самый настоящий хлеб, что съедается. Копали они пруды в каменистом русле речки Каменки. Но пруды ведь ненадежны – высыхают. Строили они жилища, но жилища их недолговечны: при малейшей искре дотла сгорают они...».

Вот и мы слушали, что на карте до 1942 года на хуторе было 80 домов, а после войны стало 42, а теперь вот всего три осталось. В одном из них живет сосед, у которого большое стадо. И мы видим стадо на дальнем холме, говорят, вон стадо Щелчка.

Спускаемся по направлению на Становое. «Это всё Подстепье, где поля волнисты, где все буераки да кособоры, неглубокие луга, чаще всего каменистые...». И видим, где Герваська после убийства дедушки бежал по каменистому оврагу, как описал Бунин ужаснувшее их суходольское событие. «И как летние дни делили они с мужицкими ребятами, приходившими к ним из Выселок, деревушки в несколько дворов, находившейся за Провалом, в версте от нас». Современные БУТЫРКИ называли ВЫСЕЛКИ, и Иван Андреевич нам говорил, что вчера женщины уезжали в Выселки на кладбище. Едем в БУТЫРКИ, остановились на месте ОВСЯНОГО БРОДА. Здесь остались овражки от трех ручейков ВОРГОЛ, которые стекали в одноименную речку.

И вот видим у дороги ЗЕЛЕНУЮ СТЕЛУ с изображением вытянутой фигуры Ивана Бунина. Этой стелой отмечена ближайшая точка до Бутырок, от которых не осталось ничего. Люди поставили еще один памятный знак у места захоронения матери писателя Людмилы

Александровны Буниной, урожденной Чубаровой, но все равно она из Буниных, даже с мужем Алексеем Николаевичем Буниным они были троюродными. В этом же месте захоронен брат Ивана Юрий и его жена.

Подъезжаем к ПРОВАЛУ. «Это была небольшая, но очень глубокая лощина, с обрывистыми скатами и знаменитым «провалом» на дне, которое зарастало высочайшим бурьяном. Это было для меня самое жуткое из всех глухих мест на свете. Какая благословенная пустыньность! Казалось, сидел бы этой лощине весь век, кого-то любя и жалея». БУНИН писал о Провале: «однажды вечером влетели во двор усадьбы пастушата, гнавшие с поля рабочих лошадей, и крикнули, что Сенька на всем скаку сорвался вместе с лошадей в Провал. На дно Провала, в те страшные заросли, где как говорили было нечто вроде илистой воронки. Работники, братья, отец – все кинулись туда, спасать, вытаскивать, и усадьба замерла в страхе, в ожидании: спасут ли? Но село солнце, стало темнеть, стемнело – вестей «оттуда» все не было, а когда они пришли, все притихло еще более: оба погибли – и Сенька и лошадь...»

А вот и место, где стоял дом. Все заросло травой, мы выпутываем ноги из обвивающей их травы, подходим к месту, где был дом. Вот глубокая яма, здесь находился ледник. На заросших склонах ямы осенние засохшие стебли когда-то ярких летних цветов. «Какой прелестный и по виду, и по имени цветок цвел в густой и высокой траве на ее скатах – малиновый Богородичный Цветок с коричневым липким стеблем». А мы увидели сухой стебель дурмана с засохшими, когда-то яркими колокольцами.

Мы едем и едем по Бунинским местам, вот там ОСИНОВЫЕ ДВОРИКИ, в рассказе «ЗАХАР ВОРОБЬЕВ» говорится, что из «Осиновых Дворов» прошел он в КРАСНУЮ ПАЛЬНУ, на суд с соседом. Из Пальны сделал верст пятнадцать до города: нужно было побывать у барыни, у которой снимал он землю. Из города приехал по железной дороге в село ШИПОВО, и пошел в Осиновые Дворы через ЖИЛОЕ: это еще верст десять».

Возвращаемся мы в ОЗЕРКИ, где открыли МУЗЕЙ в доме бабушки Ивана Бунина. Когда бабушка умерла, ДОМ получила по завещанию мама Людмила Александровна, и семья переехала из Бутырок в Озёрки. В романе «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» Бунин пишет «Я все больше замечаю быт усадьбы, все чаще бегаю в Выселки, был уже в РОЖДЕСТВЕ, в НОВОСЕЛКАХ, у бабушки в БАТУРИНЕ...(ОЗЁРКИ).

И мы по пути в Озерки спускаясь по каменистой дороге, проезжая мимо ЛОГОФЕТОВКИ, где два года живет огромный дикий кабан, которого нашли поросенком, а теперь он огромным стал. Подъехали мы к ЗНАМЕНСКОЙ ЦЕРКВИ. Этот храм упоминается с разными событиями в жизни хуторян, в праздники и в печали. «На противоположной горе, на которую поднимаешься, переехав каменный, затонувший в светлых струях мост, на выгоне перед церковью – цветистое многолюдство: девки, бабы, гнутые, гробовые старики в чистых свитках и шляпах-черепенниках. А в церкви – теснота, теплая, пахучая жара. От этой тесноты, от пылающих свечей, от солнца, льющегося в купол, и чувство тайной гордости: мы впереди всех, мы так хорошо и чинно молимся, священник после обедни подает нам целовать пахнущий медью крест прежде всех, кланяется подобострастно...». «В РОЖДЕСТВЕ же видел я высшую роскошь: в церкви... глубокий купол с грозным седовласым Саваофом, простершим длани над сиреневыми клубами облаков и над своими волнистыми, веющими ризами. Золотой иконостас, образа в золотых окладах, жарко пылающие светлым, золотым костром, косо и обильно поставленные перед праздником и друг друга растопляющие, тонкие восковые свечи... - все казалось царственным, пышным, торжественно восхищало душу...».

«Я уже знал, что мы стали бедные, что отец много «промотал» в Крымскую кампанию, много проиграл, когда жил в Тамбове, что он страшно беспечен и часто, понапрасну стараясь напугать себя, говорит, что у нас вот-вот последнее «затрещит» с молотка; знал, что задонское имение уже «затрещало», что у нас уже нет его; однако, у меня от тех дней все-таки сохранилось чувство довольства, благополучия...».

И вот, умирает бабушка, и вся семья, которая практически осталась без дома переселяется в бабушкин ДОМ в ОЗЁРКИ. «По рассказам матери, я живо нарисовал себе картину того. Что было в Батурине, когда мать с отцом так поспешно прискакали туда: майский день, уютный двор. Окруженный старинными службами, старинный дом с деревянными колоннами на двух крыльцах, темно-синие и багряные верхние стекла в окнах зала...».

И что мы видим теперь: дом, восстановленный совсем недавно, никаких хозяйственных построек вокруг, слева от дома посажены тоненькие яблоньки, для возрождения сада. За домом пруд, в нем взлетающие утки, вокруг свисающие ветлы. В Доме МУЗЕЙ, а этот музей и собирает со всех концов России почитателей творчества Ивана Бунина и продолжит ту уходящую и уже совсем ушедшую жизнь российской глубинки, в которой рождаются ГЕНИИ ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ И МУЗЫКИ.

4.10.16